

ГЛАВА

5

ПЕРВОЕ ИСКУШЕНИЕ

— Скажи мне вот что, Энди. Какой день был лучшим в твоей карьере?

Эндрю хотел было попросить уборщика не называть его Энди — от этого имени он постарался избавиться, как только закончил бизнес-школу, — но затем решил, что не стоит делать из мухи слона.

— В каком смысле? — осторожно переспросил он.

Движением руки Чарли прервал Эндрю:

— Только не усложняй. Просто скажи, какой день был для тебя самым лучшим.

Эндрю задумался:

— Я бы сказал... это был день... День, когда меня назначили генеральным директором, — не очень уверенно произнес он. — Завтра исполняется уже год.

Ему показалось, что во взгляде Чарли он заметил разочарование — не осуждение, нет, только разочарование:

— Но почему?

— Ну, Чарли! — поразился непонятливости собеседника Эндрю. — Занять пост главы компании — огромный шаг в личной карьере. К этой должности я стремился лет двадцать.

Эмоциональная тирада Эндрю оставила Чарли равнодушным. Он помолчал и задал следующий вопрос:

— Ну, ладно. А второй самый счастливый день?

Эндрю вдохнул и рассказал, как был счастлив, когда его назначили вице-президентом и его зарплата выросла до суммы, выражаемой шестизначным числом.

Чарли медленно покачал головой, точно разгадал что-то важное:

— Ну что ж, Эндрю. Я не хочу критиковать тебя, но...

Эндрю перебил:

— Да критикуйте, если хотите. Это никому не запрещается.

Он устало улыбнулся.

Старик наклонился вперед и положил ладонь ему на колено:

— Я уверен, что ты поддался искушению номер один. Исправить это будет непросто. Устоять перед первым искушением труднее всего.

Эндрю хотел было рассмеяться, однако у него возникла подспудная уверенность, что Чарли действительно знает что-то такое, чего не знает никто. Чарли говорил с такой убежденностью, что его от слов невозможно было отмахнуться. Эндрю боялся признаться себе, что ему хотелось слушать пожилого господина и дальше. Скрывая беспокойство, он с наигранной веселостью спросил:

— И что же теперь, Чарли? Окончательный диагноз — я безнадежен?

Попытка Эндрю разрядить атмосферу не удалась. Чарли остался серьезным:

— Вполне возможно. Быть руководителем способен далеко не каждый.

Уже без искусственной веселости Эндрю поинтересовался:

— Ладно, а почему вы думаете, что я поддался какому-то искушению? И почему это искушение — номер один?

Чарли помолчал, как врач у постели больного, не решающийся сообщить страшный диагноз.

— Конечно, я могу ошибаться, но мне кажется, что ты больше заинтересован в развитии собственной карьеры, чем в успехе своей компании.

Эндрю выглядел озадаченным, а Чарли продолжал:

— Попробую объяснить на примере. — Чарли на мгновение задумался, глядя на потолок вагона. — Ну, допустим... Представь себе политика, возможно, даже президента США. Представь, что я задал ему тот же вопрос, что и тебе. “Господин президент, какой самый значительный день в вашей карьере?” И что ответил бы хороший президент?

Эндрю пожал плечами.

— Ладно. Тогда представь руководителя некоммерческой организации. Или тренера баскетбольной команды.

Эндрю надоело следить за мыслью своего попутчика:

— Что вы имеете в виду, Чарли?

— Очень просто. Представь себе президента США, который утверждает, что самым значительным днем его карьеры был день выборов или инаугурации, а? — Чарли помолчал, глядя на Эндрю, но поскольку тот сидел с каменным лицом, продолжил: — Или взять руководителя некоммерческой организации, который гордится тем днем, когда получил грант от правительства. Или тренера баскетбольной команды, который считает лучшим своим достижением подписание контракта с командой. Улавливаешь?

Эндрю насупился:

— Если честно, то, по мне, это вполне трезвый взгляд на вещи.

— Даже *чересчур* трезвый. В том-то и проблема. Эндрю был совершенно сбит с толку.

— А знаешь, что сказал мой отец, когда я спросил его о самом лучшем дне его карьеры? — Чарли заговорил тише, и в его голосе зазвучала нежность.

Эндрю молча покачал головой.

— Он сказал, что не может сказать наверняка — был ли это день, когда они открыли первую пассажирскую ветку на запад от Миссисипи, или день, когда его компания впервые показала прибыль.

По лицу Эндрю было заметно, что слова собеседника нашли отклик в его душе. Чарли продолжал:

— Видишь ли, Энди, хороший президент гордится не тем, что его выбрали, а своими собственными достижениями. Руководитель некоммерческой организации радуется не получению гранта, а тому, что удалось направить деньги на доброе дело. Хороший тренер вспомнил бы не тот день, когда его взяли на работу, а первые места команды в играх и награды в чемпионатах.

— Так значит, вы полагаете, что люди не должны гордиться личными достижениями? — решил поддеть собеседника Эндрю. Тот улыбнулся:

— Конечно, должны! И имеют полное право. Но гораздо лучше гордиться тем, что ты действительно

сделал, выполнил, создал, добившись высокого положения. Собственно, настоящего руководителя должно просто переполнять стремление добиться чего-то. Достичь! Именно это стремление движет им, а во все не самолюбие.

— Отчего же руководитель не может добиваться чего-то просто из самолюбия? — Эндрю был доволен собой; ему казалось, что он задал хороший вопрос. — У многих руководителей колоссальное самолюбие.

Чарли казался озадаченным, но лишь на мгновение:

— Да, конечно. Думаю, руководителем может руководить и самолюбие...

Эндрю было приятно, что Чарли хоть в чем-то согласился с ним, а тот тем временем закончил:

— Но это продлится недолго.

— Но почему?

— Потому что, едва добившись первых результатов, этот руководитель станет тешить свое самолюбие, пожиная приятные плоды своих достижений. Он станет меньше работать. Производительность компании станет заботить его меньше, чем достигнутый уровень комфорта и высокий статус.

Эндрю едва заметно кивнул — вряд ли Чарли заметил это. А тот между тем продолжал:

— Конечно, когда компания окажется на грани краха, а статус руководителя под угрозой, такой начальник вновь всерьез примется за работу, но вовсе не из-за беспокойства о судьбе организации. Единственное, что его по-настоящему волнует — это его имидж. И скажи мне, наконец, Энди... — Чарли явно подобрался к самому главному вопросу. Голос его звучал очень мягко. — Почему ты сегодня работал допоздна? Не думаю, что ты все время засиживаешься за полночь.

— Конечно, нет. Обычно я дома в семь вечера, — ответил Эндрю, не понимая, почему Чарли переменял тему. — Но завтра заседание совета директоров, и признаться, дела мои далеко не блестящи...

Эндрю запнулся. Неожиданно ему стала ясна связь между вопросом Чарли и его предыдущими рассуждениями. Тут было над чем задуматься, и на некоторое время Эндрю даже забыл о присутствии уборщика.

Однако он быстро опомнился и примирительно произнес:

— Ладно, Чарли. Пожалуй, ты прав. Я не спорю, порой руководитель уступает соблазну, и тогда карьера, статус, даже самолюбие становятся для него превыше всего. Это интересная мысль. Я подумаю над этим.

Эндрю испытывал снисходительное удовлетворение от того, что признал правоту уборщика Чарли, который уже не казался ему сумасшедшим.

Но он не успел насладиться своим благородством, потому что Чарли заговорил снова:

— Пойми меня правильно. Преодолеть соблазн очень трудно, ведь это часть тебя самого. И даже если ты сможешь противостоять первому искушению, остаются еще четыре, которые способны тебя погубить.